

*«Берку и Хиту»
в память о счастливых днях*

ПРОЛОГ ■

Она открывает глаза — темно, как будто на них повязка. Затхлым и сырым воздухом давно никто не дышал.

Просыпаются и другие ощущения. Она чувствует тишину и холод. К запаху плесени примешивается какое-то животное зловоние. Пальцы нащупывают мокрый гравий под тканью джинсов. Теперь она начинает вспоминать, как попала сюда и что случилось.

Как можно было так сглотить?

Сдерживая панику, она пытается привстать, но ничего не выходит. Глубокий вдох — и она кричит, ее вопли эхом отражаются от стен. Кричит и кричит, пока не срывается голос.

Никто не услышит, никто не придет на помощь.

Она снова закрывает глаза, по лицу от злости текут горячие слезы. Неподвижное тело переполняет гнев, а вскоре она в ужасе понимает, что ее кожи коснулись чьи-то острые маленькие лапки...

* * *

Кажется, кто-то писал, что апрель — жесточайший месяц¹. Не знаю, кто именно, но этот человек точно не был детективом. Я-то знаю, что жестокость может произойти в любое время года — насмотрелся, — просто холод и мрак немного притупляют восприятие, а вот солнце, голубое небо и пение птиц создают контраст. Смерть и надежда.

Эта история начинается с надежды. Начинается она первого мая, в первый день весны — настоящей весны. Если вы бывали в Оксфорде, то знаете, что здесь нет золотой середины: во время дождя каменные строения приобретают цвет мочи, но в лучах солнца старинные колледжи кажутся сотканными из облаков, и, глядя на них, думаешь, что нет места прекрасней на земле. А я лишь старый циничный коп.

Вернемся к первомайскому утру, когда город предстает во всей своей оригинальности и непокорности. Трудно понять, какой он — то ли языческий, то ли христианский; такой вот безумный городок. С озаренной светом верхушки башни доносится хор певчих. Уличные музыканты окружили круглосуточный фургон

¹ Из начальной строки поэмы Т. С. Элиота «Бесплодная земля».

с бургерами. Пабы открываются в шесть утра, а половина студентов еще не отошли с прошлой ночи. На улицы с цветами выходят даже трезвые жители Северного Оксфорда (я не шучу). В прошлом году собралось двадцать пять тысяч человек; один парень нарядился деревом. Представили?

В общем, серьезный день для полиции. Впрочем, если и выбирать праздник для дежурства, так уж лучше этот. Да, предстоит убийственно ранний подъем, зато все проходит тихо, и нас активно угощают кофе и сэндвичами с беконом. По крайней мере, раньше, когда я еще ходил в форме, точно угощали. Теперь-то я детектив, занимаюсь уголовными делами...

К тому же в этом году все иначе. В этом году убийственным оказался не только ранний подъем.

* * *

Марк Секстон появляется у дома с часовым опозданием. В такой утренний час он должен был добраться быстро, но пробки на трассе М40 растянулись до самой Банбери-роуд. Когда поворачивает на Фрэмpton-роуд, то видит, что подъездную дорожку перекрыл строительный грузовик. Выругавшись, Секстон резко сдает назад, визжа шинами. Распахивает дверь «Кайенна» и выходит из автомобиля, едва не наступив в лужу рвоты на асфальте. Марк с отвращением смотрит на нее, проверяя, не испачкал ли туфли. Да что сегодня творится в этом гребаном городе? Он закрывает машину и широким шагом направляется к дому, нащупывая в кармане ключи. Ну хоть лесá убрали, и то хорошо. Продажа заняла больше времени, чем ожидал Марк, но

к Рождеству, если повезет, все уже утрясется. На аукционе он упустил отличный дом на Вудсток-роуд, так что пришлось повысить ставку и купить этот. Ничего, как только работы будут окончены, местечко превратится в настоящую, черт возьми, золотую жилу. Пусть на рынке недвижимости и наблюдается застой, в этом городе цены никогда не падают благодаря богатым китайцам и русским. Всего час езды до Лондона, а еще поблизости престижная частная школа для мальчиков. Жене Марка не нравились дома с двумя собственниками, но он сказал ей: «Ты только посмотри на эту хренову громадину!» Настоящая викторианская постройка, четыре этажа и подвал, который он собирается переоборудовать под новомодный винный погреб и домашний кинотеатр (об этом Секстон жене еще не сообщал). За общей стеной живет какой-то старый придурок — не станет же он закатывать вечеринки по ночам, правда? Сад у него, конечно, слегка запущен, хотя в крайнем случае можно поставить шпалеры. Ландшафтный архитектор упоминал что-то про деревья с переплетенными ветвями. Тысяча фунтов за штуку, зато сразу получается живая изгородь. «Только проблему с парадным входом таким способом не решишь», — мысленно добавил Марк, глядя на ржавеющий «Форд Кортина», подпертый кирпичами, и три велосипеда, пристегнутых цепью к дереву у дома номер 33. Рядом со всем этим добром красовалась стопка гниющих поддонов и черные мусорные мешки, из которых на тротуар сыпались пустые банки из-под пива. С прошлого приезда Марка ничего не изменилось, а был он здесь две недели назад. Оставил старому пердуну записку, попросив все убрать, однако, как видно, не подействовало.

Открывается дверь, из дома выходит Тим Найт, архитектор, со свертком растений в руке. Он широко улыбается заказчику и зовет за собой.

— Мистер Секстон, рад снова видеть вас. Мы серьезно продвинулись — думаю, вы будете довольны.

— Вот уж надеюсь, — с иронией говорит Марк. — Начался этот денек просто отвратительно.

— Посмотрим сперва наверху.

Они поднимаются по лестнице, стуча подошвами по зашкуренному дереву. Громко играет радио, почти в каждой комнате чем-то заняты рабочие: штукатуры на четвертом этаже, сантехник в ванной, прилегающей к спальне, реставратор трудится над рамами. Некоторые из рабочих поглядывают на Секстона, но он отводит глаза. Достает планшет, спрашивает строителей о ходе работ и вносит комментарии по каждому специалисту.

Осмотр завершают в задней части дома, где вместо снесенной кирпичной пристройки с навесом возводится просторная терраса из стекла и металла. Среди деревьев в дальнем конце сада проступает Кресент-сквер во всей своей георгианской изысканности. Жаль, что Секстон не смог позволить себе один из тех домов, хотя жаловаться не стоит: с момента покупки этого местечка цены на недвижимость поднялись на пять процентов. Марк расспрашивает архитектора о планировке кухни («Черт, я плачу шестьдесят штук, а мне даже долбаную посудомойку не поставят?»), потом оборачивается и смотрит на дверь, ведущую в подвал.

— Да, я как раз собирался сказать, — понял его намек Найт. — С погребом вышла заминка.

— Какая еще *заминка*? — спрашивает Секстон, прищурив глаза.

— Вчера звонил Тревор. Возможно, нам потребуется официальное разрешение от соседа, так как работы затронут общую стену.

— Твою мать, не хватало еще вмешивать сюда гребаных юристов, — скривившись, говорит Марк. — Так в чем проблема?

— Ребята начали снимать штукатурку, чтобы проложить новые кабели, и обнаружили, что состояние кирпичной кладки местами весьма плачевное. Похоже, миссис Пардью давненько туда не спускалась.

— Тупая старуха, — бормочет Секстон.

Найт не обращает внимания на его комментарий — дельце очень выгодное.

— Так вот. Боюсь, один из молодых рабочих не сразу понял, с чем имеет дело, но не волнуйтесь, завтра мы позовем инженера-проектировщика...

Не дожидаясь, пока Найт закончит, Секстон идет в подвал.

— Я сам, черт возьми, посмотрю.

Над лестницей горит тусклая лампочка. Внизу все провоняло плесенью.

— Осторожнее, — предупреждает Найт, — порожки не очень надежные. Тут шею можно сломать, если оступиться в темноте.

— Фонарик есть? Ни хрена не видно.

Найт подает Секстону фонарик. Включив его, Марк сразу понимает, в чем проблема. Кирпичи под краской с остатками старой желтой штукатурки покрыты сухой сероватой плесенью и осыпаются. От пола до потолка зияет трещина шириной с палец — трещина, которой раньше тут не было.

— Господи, нам что, теперь переделывать весь фундамент? Как оценщик мог такое упустить?

— У миссис Пардью стояли полки вдоль всей стены, — извиняющимся тоном отвечает Найт. — За ними разглядеть не получилось.

— И что самое главное, почему никто не следил за мелким идиотом, который разобрал на куски мою сраную стену?..

Секстон берет с пола какой-то инструмент и начинает ковырять кирпичи. Архитектор подходит ближе.

— Слушайте, лучше не...

Из стены вываливается кирпич, за ним другой, и в итоге целый пласт кладки падает, обдавая пылью туфли Марка. На обувь он не обращает внимания, потому что с открытым ртом смотрит на дыру шириной сантиметров пять.

И в полумраке за этой дырой в стене видит лицо.

* * *

В полицейском участке Сент-Олдейт детектив-сержант Гарет Куинн, недавно получивший повышение, пьет вторую чашку кофе и ест третий по счету тост, перекинув дорогой галстук через плечо, чтобы на него не попали крошки. Под стать галстуку и недешевый костюм: всем своим видом Куинн показывает, что слишком умен и элегантен для обычного копа. Офис департамента уголовного розыска наполовину пуст, из всей команды на работу пока что приехали только Крис Гислингхэм и Верити Эверетт. Серьезного дела сейчас нет, инспектор Фаули весь день пробудет на конференции,

а потому можно позволить себе не спеша заняться увлекательной работой с документами.

На солнце видно, как в воздухе пляшет пыль. Куинн шуршит газетой, в офисе пахнет кофе. Момент спокойствия нарушает телефонный звонок. Время 9.17.

Куинн берет трубку.

— Департамент уголовного розыска. — И тут вдруг: — Вот черт. Уверен?

Гислингхэм и Эверетт смотрят в его сторону. Гислингхэм, в описании которого всегда звучат слова вроде «крепкий» и «прочный» — и не только потому, что он слегка полноват. Гислингхэм, который, в отличие от Куинна, не получил звания детектива-сержанта и вряд ли получит, учитывая возраст. Но не осуждайте его за это. Каждой команде уголовного розыска нужен свой Гислингхэм. Надежный человек — такого хочется увидеть с другого конца веревки, брошенной утопающему. Эверетт тоже не стоит судить по одной лишь внешности: пусть она выглядит, как мисс Марпл лет в тридцать пять, упорства ей не занимать, как и знаменитому персонажу Агаты Кристи. Гислингхэм говорит, что в прошлой жизни Эв точно была собакой-ищейкой.

— И дверь никто не открывает? — Телефонный разговор продолжается. — Ладно. Нет-нет, мы займемся. Скажите офицеру, чтобы встретил нас на месте, и пусть приведут хотя бы одну женщину-полицейского.

Гислингхэм уже тянется за пиджаком. Куинн кладет трубку и, вставая из-за стола, съедает последний кусочек тоста.

— Это из диспетчерской. На Фрэмптон-роуд кто-то нашел девушку в подвале соседнего дома.

— В подвале? — удивленно переспрашивает Эверетт.

— Случайно пробили общую стену. Там вроде живет какой-то старикан, но он не отзывается.

— Твою ж мать!

— Вот именно.

* * *

У дома уже собирается толпа: тут и строители из тридцать первого, которым только дай повод увильнуть от работы и не выслушивать придирки Секстона, и соседи, и несколько потрепанных жизнью гуляк с цветами на шляпах и банками пива в руках. Сюрреализма этой картине добавляет полноразмерная пластиковая корова, стоящая у обочины. Она накрыта цветастой скатертью, рога украшены нарциссами. На тротуаре танцоры в народных костюмах устроили импровизированное представление.

— Что за черт! — говорит Гислингхэм, когда Куинн глушит двигатель. — Может, оштрафовать их за незаконную парковку этой штуковины?

Они выходят из машины как раз в тот момент, когда подъезжают два патрульных автомобиля. Какая-то тетка из толпы присвистывает вслед Куинну, сержант оборачивается, и та едва не падает со смеху. Один из троих полицейских в форме несет таран. Женщину тоже прислали — это Эрика Сомер. Гислингхэм замечает, как она улыбается в ответ на смущение Куинна. А Крис ведь подозревал, что между ними что-то происходит. Так и сказал Джанет: «Эти двое слишком часто сталкиваются у кофейного аппарата, на совпадение не тянет». Хотя чего уж тут: Эрика — та еще красотка, даже форма и туфли на плоской подошве ее не портят. Лишь бы она отбросила завышенные ожидания, потому что Куинна, будь он псом, никто не назвал бы верным.